

В ТОСКЕ "ПО ЖИВОЙ ЖИЗНИ"

В свое время нам приходилось уже на страницах "Курьера" говорить о произведениях Н. И. Тимковского [1] (по поводу первого тома его рассказов[2]). Мы отмечали тогда, что г. Тимковский обладает весьма своеобразным психологическим талантом, выгодно выделяющим его в среде новейших русских беллетристов, что он особенно пристально всматривается в душевный и нравственный облик тех современных интеллигентов, которые преждевременно растратили свои душевные силы в трудной и тяжелой борьбе за существование или подавлены пустотой жизни и загипнотизированы однообразием окружающей обстановки, - интеллигентов, которые являются людьми "усталыми", "нервно-больными", внутренне "раздвоенными". Обрисовывая душевный мир этих интеллигентов, г. Тимковский не прибегает к шаблонным штрихам и контурам, к прямолинейным приемам изображения. Он раскрывает сложную игру разнообразных, нередко противоречащих друг другу чувств и стремлений, составляющих содержание душевного мира этих интеллигентов. Он тщательно отыскивает в глубине их душевного мира "новые" настроения, особенно характерные для "современного человека".

Правда, в чисто-эстетическом отношении рассказы г. Тимковского не представляют из себя чего-нибудь особенно выдающегося, не являются каким-нибудь "новым словом"; как художник, г. Тимковский уступает "молодым" корифеям современной русской литературы в силе изобразительности и законченности пластических образов. Правда, иногда он не облачает своей мысли в надлежащую, осязательную форму, которая бы заставила читателей остановить живейшее внимание на этой мысли. Но как наблюдатель жизни и как мыслитель, г. Тимковский бесспорно занимает одно из первых мест среди новейших русских беллетристов. В своих произведениях он дает очень много материала для правильного понимания различных сторон современной культурной жизни.

Так, при разборе рассказов, помещенных в первом томе его сочинений, мы указывали на стремление г. Тимковского выяснить источники и развитие "ницшеанской" идеи о великом "моральном освобождении" [3], выяснить причины, почему названная идея могла зародиться и пользоваться успехом среди интеллигенции. А теперь, обращаясь ко второму тому (недавно вышедшему в свет) его рассказов, остановимся на другой, более общей идее, на идее о необходимости жить "настоящей, живой, полной жизнью" - идее, которая одушевляет интеллигентов г. Тимковского.

"Неужели вот это-то, маленькое, скудное, бессодержательное, что составляло и составляет мою жизнь, и есть именно жизнь?!" - задает себе вопрос один из самых типичных героев г. Тимковского. И он должен сознаться, - а вместе с ним и все остальные герои г. Тимковского, - что он вовсе не знал жизни. "Жизнь куда-то делась", куда-то затерялась...

Вот один из этих "потерявших жизнь" - Владимир Петровский (рассказ "Жизнь").

Родился он в семье чиновника. Только в самом раннем детстве ему были доступны некоторые радости бытия; только тогда жизнь представляла для него интерес, казалась ему "огромной, бесконечной", полной чудес и блеска. Но с тех пор, как его засадили за букварь, горизонт жизни начал быстро суживаться, блеск жизни пропадать; его начала окружать унылая, гнетущая атмосфера. Особенно сгустилась его атмосфера тогда, когда Петровского отдали в гимназию... Дни, месяцы, года гимназической жизни тянулись однообразной бесцветной линией. В глазах Петровского "сделалось безразличным все, кроме получения единицы"... Наконец, приблизилось время выпуска. В Петровском "забродили" мечты об университете, о "новой жизни, живой и полной". Он начал думать о том, с какой страстью он отдастся "живой" университетской науке. Но ему пришлось вскоре горько разочароваться в своих розовых надеждах. Университетская наука оказалась бессильной пролить "новый свет на все", такой же мертвой, как наука гимназическая.

Приходил один профессор и доказывал, что его наука - самая важная; за ним являлся другой и выхвалял свою науку, за ним - третий... Студенты торопливо записывали все и уходили домой, нафаршированные 4-мя или 5-ю лекциями, не имеющими между собой ничего общего. Греческая литература, славянские наречия, Тацит [4], клинообразные - все это зараз, и все комом ложилось в голову Петровского...

Вскоре Петровский стал смотреть на университет, как на повторение гимназии. Правда, в университете не задавалось уроков, не производилось пересадок, но было такое же отбывание классов, которые теперь называются лекциями; такое же стремление поскорее кончить курс и заполучить диплом, те же экзамены и разговоры о том, кто строгий экзаменатор и кто добрый, и так же далеки были от него славянские наречия и клинообразные, как в гимназии - латинская и греческая грамматика; и надзиратели, и инспектор, и учителя в вицмундирах - все то же самое... Да, положительно он не ощущал в университете